

141-й Бергедорфский Форум

Ответственность России в мировой политике

24–26 октября 2008 г., г. Москва

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации Сергея В. Лаврова

Уважаемый господин Председатель,
уважаемые дамы и господа, друзья!

Я думаю, что Вы, несмотря на то, что—как сказал Александр—представляете из себя old hands, но надеюсь, что you have fresh brains. И по крайней мере это та самая ситуация, когда опыт, накопленный за годы общения, позволяет использовать опыт для генерирования свежих мыслей, и уверен, что Ваш форум несомненно, если не решит все проблемы, как сказал уважаемый господин Президент, то тем не менее поможет лучше их понимать.

Так что спасибо Вам большое за эту возможность поделиться своими взглядами. Не думаю, что я смогу решить столь амбициозную задачу, которую сейчас обозначил Александр, - изложить мировоззрения России на 21 век, но постараюсь несколько подробнее может быть остановиться на тех идеях, которые выдвигал и президент Путин в свое время, и которые развивает президент Медведев в своих последних выступлениях, в том числе в Берлине и Эвиане.

Тема конференции, которая была выбрана, звучит как „Ответственность России в мировой политике“ и это достаточно верно отражает то, что мы сами ощущаем, потому что нашу роль в глобализирующемся мире мы формулируем не только на основе того, чего нам от этого мира надо, а и от того, чего этот мир от нас ждет. Так что вот эта ответственность, она действительно присутствует, я могу Вас в этом совершенно официально заверить. Трудно спорить с тем, что наше международное положение обрело новые качества в условиях того системного кризиса, в котором международные отношения пребывают, и мы считаем, что по мере нашего дальнейшего укрепления, по мере укрепления России и ее позиций на международной арене, ответственность России за происходящее в мире повышается. Это, собственно, и есть основа той философии, которая изложена в Концепции внешней политики Российской Федерации, новое издание которой утвердил Президент Медведев в июле этого года.

Вообще сегодня ответственность—это важное понятие для всех ведущих государств в международных делах. Мы убеждены, что такая ответственность предполагает отказ как от экономического, так и от политического эгоизма, от продвижения своих интересов в ущерб интересам других. Она предполагает и готовность вносить свой вклад в усилия по повышению управляемости мировых процессов, включая и формирование того, что мы называем коллективным лидерством ведущих государств.

Международное сообщество довольно долго пассивно наблюдало за процессами разбалансировки существующей системы глобального управления, а эта система очевидно дает серьезнейшие сбои, причем не только в политике, но и в экономике и финансах. И в отсутствие правил, которые были бы общими для всех нас, нас будут и далее преследовать кризисные явления нестабильности. Поэтому очень нужна сейчас „мягкая посадка“, так сказать, причем она возможна для всех нас исключительно посредством по-настоящему коллективных усилий и с вовлечением всех игроков, которые обладают потенциалом и ресурсами, необходимыми для реализации согласованных решений.

События августа—у нас, знаете, в России август уже не первый год приносит сюрпризы, а это было сюрпризом, я Вам честно об этом говорю,—эти события имели далеко идущие геополитические последствия, в том числе для евро-атлантической политики. И наверное было бы трудно более наглядно, чем это сделал режим Саакашвили, высветить несостоятельность европейской архитектуры безопасности. Фрагментированная, с претензией на НАТО-центричность, эта архитектура не смогла предотвратить ни военную авантюру, ни подготовившие ее поставки тбилисскому режиму огромного количества наступательного вооружения, вопреки кодексам и ОБСЕ, и Евросоюза, и вопреки Вассенаарским договоренностям.

К сожалению, щедрость доноров к режиму в Тбилиси может быть понята там однозначно: агрессия вознаграждается. Тот же эффект имели бы и попытки ремилитаризации нынешней власти в Грузии. Мы предостерегаем от таких попыток, но пока без особого успеха.

Скажу еще раз, что ничего геополитического, никаких схем и замыслов „потрясти геополитическое дерево“, воспользоваться его плодами, у нас не было. И у тех, кто обвиняет нас в этом, получается как у Гоголя, когда он писал о том, как воспринимали его литературных героев, всегда почему-то примеривая их на себя. Ну.. Оставляю это в стороне, у нас таких геополитических замыслов не было, последствия геополитические, которые проявились после Кавказского кризиса, они носят объективный характер и слава Богу, что многие вещи прояснились. Это уже хорошо.

Этот кризис—для нас это однозначный вывод—со всей ясностью показал, что современные проблемы, включая урегулирование конфликтных ситуаций, не имеют силовых решений. И что нет никакой альтернативы политико-дипломатическим методам урегулирования с вовлечением всех сторон, без изоляции кого бы то ни было, в целях достижения согласия. Так что мы и дальше будем в рамках действующих форматов, в рамках достигнутых механизмов урегулирования, будем оказывать всемерную поддержку разрешению и приднестровского, и нагорно-карабахского конфликтов—с тем чтобы помочь самим сторонам выйти на договоренности. Убежден, что вполне возможно такие взаимоприемлемые решения в действующих форматах выработать, так же как была полная возможность сделать то же самое и в отношении юго-осетинского и абхазского конфликтов.

Так что в случае с Южной Осетией Россия действовала чрезвычайным образом, в чрезвычайных же обстоятельствах, которые были вызваны грубейшим нарушением международного права и международных обязательств грузинской стороной. Мы не видим, где еще на евро-атлантическом

пространстве может найтись подобный же деятель, который бы создал аналогичную ситуацию. Так что нет никаких оснований для нагнетания напряженностей, для апеллирования к теории домино.

Не можем мы согласиться, когда исторически обусловленные, я бы сказал, взаимно привилегированные отношения между государствами на пространстве бывшего Советского Союза пытаются выдать за некую „сферу влияния“. Если эту логику принимать, то под определение сфер влияния подпадают и европейская политика соседства, и разрабатываемая сейчас восточная политика—не понятно, кстати, чем она от политики соседства отличается—и многие другие проекты Евросоюза, по которым решения принимаются без участия России, хотя они касаются наших соседей. И я уже не говорю о различных проектах НАТО. Кстати, в обсуждениях по статусу Косово нам европейцы, включая моего друга Бернара Кушнера, постоянно говорили, что Балканы это европейская проблема, поэтому не мешайте нам с ней разобраться. То есть имелись в виду особые, привилегированные интересы Евросоюза в отношении Балкан, причем невзирая на позицию Сербии.

Поэтому, когда мы вдруг устами президента упомянули о наших привилегированных интересах, вдруг начался шум. Я, честно говоря, не понял, чем это было вызвано. Еще раз хочу подчеркнуть: речь идет не только о том, что у России есть привилегированные интересы в отношениях с нашими ближайшими соседями прежде всего, но не только с ними, но речь идет и о том, что у наших ближайших соседей точно так же в России имеются привилегированные интересы. Не понимать этого и пытаться разрушать то, что объективно зиждется на совместной истории, на взаимозависимости, взаимопереплетении экономики, инфраструктуры, культуры, гуманитарных сфер жизни—это в общем-то идти против истории. И надеюсь, что здесь у нас не будет никаких спекуляций, а мы все будем воспринимать эту данность и уважать эту данность.

Вообще я считаю, что пришло время подвести черту, всем немножко успокоить страсти и заняться совместным анализом ситуации. И я очень рад, что, как я понимаю, именно этим Ваш форум и занимается.

Вот нам говорили постоянно, что демократии не воюют. Недавно прочел интересный анализ, в котором речь идет о том, что они не воюют друг с другом пока, но против других воюют очень даже сильно. И примеров тому наверняка Вы знаете немало, так же как и я. Но если говорят, что грузинский режим демократический, а в этом нас постоянно уверяют, то почему он встал на путь войны? И если кто-то его сертифицировал как демократический, какую ответственность этот вот сертифициатор должен нести?

Я думаю, что сподручнее содействовать распространению демократии собственным примером. И если речь идет о понимании исторической миссии собственной страны, то совершенно необязательно от нее отказываться, ее можно сублимировать в полезные вещи, такие как борьба с бедностью, разработка альтернативных источников энергии, решение всего спектра глобальных проблем человечества. Это создавало бы условия для нормального внутреннего развития всех государств. И такое распространение демократии, вернее, распространение материальных условий для развития демократии, наверняка было бы в долгосрочном плане полезным. А тут если подходить к демократизации с точки зрения, что вот мы договоримся о регулярном проведении выборов—и все, вот демократия функционирует.

А наверное ни для кого из здесь присутствующих не секрет, что это регулярное проведение выборов режиссируется очень даже эффективно, хотя об этом предпочитают не говорить. Так что вот эта вот витрина демократическая, она еще не о чем не говорит.

Я думаю, что надо начинать с того, чтобы дать самому грузинскому народу, причем желательно с участием оппозиции, а также открыв доступ ко всем, даже запрещенным, источникам информации, прояснить, что же в конечном счете произошло и почему это стало возможным. Нас настораживает информация, которую мы по разным каналам получаем, о том, что там опять планируются какие-то аресты бывших политических деятелей и вышедших в оппозицию. Все это настораживает, но, повторю, не удивляет. Мы знаем существо нынешней грузинской власти.

Теперь я хотел бы сказать более глобально, если хотите. В принципе я думаю, что объективной причиной нестабильности на пространстве бывшего Советского Союза стал процесс создания здесь национальных государств. Отчасти это предопределило их системную несовместимость с Европейским Союзом, который поставил себе задачу вступления в так называемый постмодернистский этап развития, то есть двигаясь в противоположном направлении, нежели те процессы, которые происходили после развала Советского Союза на нашем пространстве. Постмодернистский этап развития предполагает делегирование части суверенитета наднациональным органам, и движение к этой цели серьезно притормозили волны расширения за счет приема новых членов в Европейский Союз из центральной и восточной Европы, которые в момент вступления в Евросоюз все-таки шли чуть-чуть в другом направлении, восполняя в своем развитии этап становления национальных государств. На это указывал развод Чехии и Словакии, и думаю, что эти обстоятельства были недооценены теми, кто принимал решение об ускоренном принятии новых членов в Евросоюз, руководствуясь не столько их социально-экономической и внутриполитической готовностью к этому, сколько геополитическими соображениями. Поэтому наверное и так сложно сейчас Евросоюзу переварить свое новое расширенное состояние, но мы однозначно желаем в этом успехов и однозначно заинтересованы в том, чтоб как можно скорее все задуманные реформы были реализованы, и мы могли бы с Евросоюзом разговаривать, как, по-моему, Киссинджер сказал, по одному номеру телефона.

К сожалению, наши западные партнеры не смогли в свое время по достоинству оценить постмодернистские по своей сути элементы и советского и российского опыта. А этими элементами были и интернационализм, хотя конечно же он был идеологически мотивирован, и процесс создания наднациональной общности, основанной на общих ценностях и устремлениях. Я сейчас оставляю в стороне, как это все в итоге на практике проявлялось, но движение было именно в постмодернистском русле. И воплощением этих устремлений стали и Содружество Независимых Государств, переживающее непростую судьбу, но по-моему все-таки имеющее будущее, и Союзное государство России и Белоруссии, и Евразийско-азиатский Экономический Союз, и Организация Договора о коллективной безопасности—эти организации, которые—все из них—задумывались, не как блоковые, а как интегрирующие. Повторяю, я сейчас оставляю в стороне успешность или неуспешность развития той или иной структуры, я говорю о той тенденции, в рамках которой эти структуры создавались. Отношения в рамках этих структур имеют свою цивилизационную специфику, я знаю лично, как каждая из них функционирует, сам участвовал практически последние 5 лет во всех мероприятиях, и

на уровне министров, и на уровне президентов, могу заверить, что в этих организациях друг на друга не давят и рук не выкручивают, тем более не выламывают. Это наверное не всем понятно на Западе, но это действительно так. Мы там ничего никому не диктуем, во-первых, потому что не можем диктовать, а во-вторых, потому что не хотим диктовать, хотим находить решения, которые опирались бы на взаимоуважительном учете интересов друг друга.

Постепенный переход на рыночные принципы способствует формированию более равноправных торгово-экономических отношений между бывшими республиками Советского Союза, и мы такой переход, несмотря на все его болезненные проявления, Вы знаете о них, хотим продолжать активно и завершить при сохранении, подчеркну, всех позитивных элементов общего исторического существования.

Риторика последних лет мешает видеть и то, что в общем-то именно усилиями России удалось свести до минимума— по историческим меркам— негативные последствия распада Советского Союза. Буквально 5 дней назад в нашей газете „Время новостей“ Доминик Ливен подметил, что в 15 годах существования современной России— при всех очевидных различиях— спрессовался опыт упадка и разрушения Британской империи, который происходил на протяжении жизни трех поколений и был смягчен, кстати, кооптацией Лондона в англосаксонский альянс, который „формировал сердцевину Запада и определял его значение“. Объективному взгляду на вещи мешают предрассудки прошлого— поэтому мы и говорим о негативной роли советологов, так называемых, в выработке российской политики ряда западных стран. Об этом Медведев упоминал в Эвиане.

Почему единая Европа должна строиться из одного центра, а не на нескольких площадках одновременно? Стремление „растачить“ постсоветское пространство „по кускам“ напоминает, честно говоря, большевистский метод расчистки места под новое строительство— разрушим до основания, а потом построим. Такой метод по сути дела постоянно передвигает разделительную линию в Европе к российской границе. А мы хотим эту линию все-таки ликвидировать и об этом, по крайней мере на словах, договариваемся с Евросоюзом и с той же НАТО, кстати, об этом мы тоже договаривались. Об этом и в ОБСЕ соответствующие решения приняты, но пока их реализация не получается. И я считаю, что курс на отрыв России от ее соседей на путях создания национальных государств 19 века грозит всей Европе возвращением в 20 век с его разрушительным национализмом.

Все это нашло— вынужден вернуться опять к этой теме— свое закономерное выражение в грузинской попытке силой, то есть не по-европейски, решить конфликт в Южной Осетии. Сюда же я бы отнес и исторические экстраполяции в нацизм, ставший вершиной саморазрушения Европы, причем забывая при этом, что вот это саморазрушение удалось предотвратить в значительной степени лишь с помощью Советского Союза.

Что наиболее опасно, так это демонстрируемое подобным подходом отношение к России как к заведомо чуждому Европе элементу. Создается впечатление, что эта линия имеет целью искусственно создать такую „ощетинившуюся“ Россию в умах населения в Европе— как средство придать второе дыхание

существованию Запада. Мы не можем отделаться от такого подозрения. Причем существованию Запада в его исключительном по отношению к внешнему миру формате.

И Путин в свою бытность президентом (в его статье в частности, посвященной 50-летию Евросоюза), и Медведев, выступая в Берлине и Эвиане, обосновали приверженность России европейскому выбору на самом высоком уровне. И простое возвращение к этим словам, произнесенным нашими двумя лидерами за последнюю пару лет должно всех скептиков заставить все-таки отказаться нас подозревать в чем-то ином. Эта линия нашла свое воплощение в таких идеях, призванных обеспечить единство всей европейской цивилизации, как стратегическая открытость, под которой мы понимаем реальное вовлечение Евросоюза в обсуждение проблем стратегической стабильности, которая до сих пор ограничена нашим диалогом с Вашингтоном. Мы считаем, что Европа, Россия и Соединенные Штаты, наладив это тройственное взаимодействие—я еще о нем скажу попозже, - могли бы в корне изменить характер стратегических отношений в мире. И именно этим продиктовано наше предложение начать разрабатывать договор о Евроатлантической безопасности.

„Земляничные поляны“ Европы являются нашим общим достоянием (вот как мне красиво тут написали). И эти поляны не должны больше топтать сапоги, их не должны уютить танки. Мы всегда будем проводить различие между Европой, между нашими отношениями с конкретными европейскими странами с одной стороны, и привязкой к европейской территории военных объектов неевропейских стран. Это в полной мере относится и к той позиции, которую мы занимаем по отношению к Польше и Чехии в связи с планами развертывания там „третьего позиционного района“.

Мы убеждены, что назрела необходимость капитальной перестройки европейской архитектуры безопасности и этим, как я сказал, продиктована инициатива начать переговоры по новому договору о евро-атлантической безопасности. Считаем, что с помощью такого договора можно создать надежную систему подлинно всеобъемлющего характера, систему, которая была бы призвана объединить всю Евро-Атлантику, на основе единых правил и гарантии неделимости безопасности. Президент Медведев сформулировал ключевые принципы такого предлагаемого нами договора в Эвиане. Мы сейчас намечаем серию консультации о конкретизации этих принципов, считая абсолютно необходимым привлечь к этим дискуссиям экспертное сообщество и рассчитывая, что многие из здесь присутствующих не откажутся поучаствовать в этой работе. Формат ее мы совместно можем согласовать и хотим это сделать, особо не откладывая.

Площадку для переговоров по такому договору, когда уже будет наработан экспертный, аналитический потенциал, можно выбрать практически любую, предлагая от ОБСЕ... Это вполне возможно—жизнь подскажет. Мы открыты, кстати, для обсуждения иных элементов договора по сравнению с тем, что предложил президент, и вообще можем обсуждать какие то иные, альтернативные идеи. Мы просто пока их не слышим, их попросту нет. Говорят лишь, что „ваши инициативы направлены на подрыв НАТО, на подмену всеобъемлющего характера безопасности, закрепленного в Хельсинкском заключительном акте, за счет забвения гуманитарной корзины“, например. Абсолютно не так! Мы разъясняем публично, что приглашать-то мы хотим к участию по разработке договора не только все страны от Ванкувера до Владивостока, но и все организации, которые функционируют на этом пространстве в сфере

безопасности. Мы отнюдь не хотим подрывать гуманитарные аспекты деятельности ОБСЕ. Просто мы убеждены, что то, что называется *hard security*, военно-политическая безопасность, является той сферой, где накопилось слишком много проблем, весьма взрывоопасных и что первоочередное внимание нужно уделить именно военно-политическим аспектам безопасности. Когда нам пытаются приклеить ярлык „ревизионистской державы“, которая выступает против статус-кво, мы хотели бы поинтересоваться, о каком статус-кво мы говорим. После окончания холодной войны на фоне ускоренного формирования на практике полицентричной международной системы, на фоне нынешнего глобального финансового кризиса — о каком статус-кво может идти речь?

Поэтому мы убеждены, что ремонт европейской архитектуры нужно ускорять. Альтернативой этому может быть только деградация этой архитектуры. Что касается наших отношений с НАТО, то события последних месяцев дали серьезные основания для того, чтобы задуматься об их будущем. Одно только ясно, что возврата к прежним отношениям, как если бы ничего не случилось, не будет. Мы хотим понять: неужели Европа для НАТО, а не НАТО для Европы? Повторяю, что у нас нет иллюзии и никаких намерений вести дело к тому, чтобы НАТО закрылось и на ее месте создалось что-нибудь более универсальное. Мы понимаем, что это реальность, с которой надо жить. Но убежден, что для разговора на все эти темы требуется политическая смелость. Здесь я как раз абсолютно поддерживаю мысль Наполеона „ввязаться в бой, а там видно будет“. Надо ввязаться в дискуссию, хотя бы это сделать, не откладывая.

Путин еще в феврале 2007 года предлагал это в Мюнхене, а это его предложение, которое он для большей доходчивости делал заостренно эмоциональным, расценили как чуть ли не начало новой холодной войны. Не было такого замысла! Он как раз и хотел начать разговор. А в ответ услышал, что все, что нужно для обеспечения безопасности, существует, и мы вам потом скажем, на какой полке России отведено место в НАТО-центричной системе.

Совет Россия-НАТО создавался на основе абсолютно прогрессивных принципов. Каждая сторона имела равный голос. Это записано в документах, которые заложили основу совета Россия-НАТО. Там же записано, что нашим общим принципом является неделимость безопасности. Там же этот принцип был расшифрован, что не одна сторона не должна обеспечивать свою безопасность за счет ущемления безопасности любой другой стороны в совете Россия-НАТО. Мы даже приводили этот принцип „одна сторона, один голос“, а не „двадцать шесть плюс один“ в пример Евросоюзу, когда обсуждали с нашими коллегами в Брюсселе перспективу сотрудничества России и ЕС по пространству внешней безопасности. Хельга, наверно, помнит. Мы говорили, что в рамках совета Россия-НАТО у нас более прогрессивные основы для работы. Там все равны, на бумаге. А вот с Евросоюзом такой подобной структуры, как одна сторона, один голос, не было для обсуждения, повторяю, вопросов безопасности. Но ясно также, что совет Россия-НАТО не работал на тех принципах, которые были заложены при его формировании. Там все время было 26 плюс 1, на любом уровне, будь-то саммит, будь-то министерские встречи, будь-то встречи постоянных представителей. Конечно, с этим нужно что-то делать. Даже, если бы этого кризиса не произошло, если бы НАТО в одностороннем порядке не стала пытаться нас наказывать за счет замораживания некоторых видов деятельности, разговор на эту тему всё равно назревал. Совет Россия-НАТО не будет функционировать в полном объеме без такого

откровенного и честного разговора. Разговора, направленного только на одно: подтверждаем ли мы те принципы, которые были согласованы (...) или нет, а если подтверждаем, то давайте посмотрим, почему они не реализуются. Кстати, эта концепция заложена и в Договоре о европейской безопасности: провести инвентаризацию принципов. Если они по-прежнему актуальны для всех нас, и принципы Хельсинкского заключительного акта, и принципы, на основе которых действует Совет Россия-НАТО, у устав ООН, конечно, как он преломляется в Европе, и если мы говорим, да, эти принципы по-прежнему всеми нами поддерживаются, давайте посмотрим, почему отсутствует их воплощение в жизнь. Может быть, механизмы недостаточны? Вот об этом мы хотим говорить. А когда на саммите Россия-НАТО в Бухаресте мы хотели принять совместную декларацию, подтверждающую принципы, на основе которых мы работаем, то принцип, гласящий, что никто не должен обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других, не удалось повторить. Возражала одна делегация. Всем понятно, что это была американская делегация, но эту цитату пятилетней давности в апреле 2008 года воспроизвести не получилось. Конечно, это наводит на мысль. Нынешняя европейская архитектура лоскутная. Надо ее трансформировать, причем обязать делать это раз и навсегда на коллективной основе.

Мы рады, что урегулирование Кавказского кризиса предоставило серьезный предмет для нашего взаимодействия с Евросоюзом. По сути найдено было европейское решение проблемы. Это отвечает общей тенденции к регионализации глобальной политики, когда региональные страны все больше и больше берут на себя ответственность и не хотят следовать советам издалека. Кстати, так был урегулирован острый этап кризиса в Зимбабве, хотя там еще предстоит достигать договоренности, также пошел диалог между Израилем и Сирией—пока через посредников, также развиваются отдельные аспекты ситуации вокруг Судана. Инициатива Евросоюза по Грузии тоже пример желания региональных стран, те проблемы, которые им географически ближе, решать через собственные инициативы. Я думаю, что это здоровая тенденция. Я уже говорил и подтверждаю еще раз, что укрепление Евросоюза, его единства, на трезвой и прагматической основе мы всячески поддерживаем. Мы нашим европейским друзьям доверяем.

Ясно, что в глобальной и региональной политике прежде всего в Евро-Атлантике, сохраняется остаточная биполярность. Это объективно обусловлено вопросами стратегической стабильности, я тоже об этом уже говорил, но есть вопросы, где биполярность навязывается искусственно. Я имею в виду, в частности, монополизацию переговоров с Россией по будущему Договору об обычных вооруженных силах в Европе. Мы с американскими партнерами очень полезно обсуждали это на каком-то этапе прошлой осенью, год назад, и вроде бы стали нащупывать перспективные пути к развязке этой ситуации, а потом наши переговорные партнеры из Вашингтона взяли свои идеи назад, ссылаясь на то, что Грузия, Молдова хотели бы иначе сформулировать те предложения, которые внесли Соединенные Штаты. А вот желание Германии, Франции, Италии, Великобритании подключится к неформальному обсуждению путей выхода из тупика, в котором ДОВСЕ оказался, как-то вот не встречает энтузиазма. Мы считаем, это неправильно. Конечно, в итоге решать судьбу Договора или режима контроля над вооружениями в Европе должны будут все участники ДОВСЕ, но ясно, что ведущие страны Европы вполне могут и должны внести неформальный вклад в подготовку почвы для переговоров уже в универсальном масштабе.

Элемент искусственной биполярности присутствовал и в том, что происходило в последние годы вокруг Грузии. По сути дела—надеюсь, госпожа Меркель на меня не обижается, мы здесь очень откровенно говорим—по сути дела отношения Запада с Грузией были отданы на откуп одной далекой столице. Были, конечно, некие движения в рамках группы друзей Генерального секретаря ООН по Грузии, куда входят Россия, США, Франция, Великобритания и Германия, как координатор этой группы, были движения в этой группе, но по большому счету тот кризис, который разразился в августе, Европа проспала. Хорошо, что инициатива президента Саркози, поддержанная всем Евросоюзом, исправляет ситуацию. Те дискуссии, которые начались в Женеве 15 октября, дают всем нам возможность исправить недостатки и вовлечься в дела этого региона в интересах его стабилизации, а не в целях сохранения Грузии в качестве объекта геополитики.

Считаем также, что участие в Женевских дискуссиях американской стороны весьма полезно и расширяет возможности для достижения нужного региону результата. В целом, тройственное взаимодействие между Евросоюзом, Россией и Соединенными Штатами, я считаю, необходимо распространять на другие темы, на проблематику безопасности. Мы убеждены, и я об этом уже не раз говорил, что такое тройственное взаимодействие служит формулой обеспечения единства евро-атлантического пространства на политическом уровне. Движение к такому единству на—я бы сказал—политико-психологическом уровне могло бы осуществляться через новое толкование термина „атлантизм“ или „евро-атлантизм“. Убеждены, что это должно включать и Россию, и страны Центральной и Восточной Европы, весь регион от Ванкувера до Владивостока.

Бжезинский и Скоукрофт недавно написали книгу „Америка и мир“ и там приводят мнение одного из исследователей Ренд-корпорейшн о том, что опасна не сама полицентричная система, которая является естественной и логичной, а переход к полицентричной системе, который, с одной стороны, неизбежен, а с другой стороны, будет наверняка рискованным. Все содержание этой книги „Америка и мир“ убедительно свидетельствует о главном: о невозможности проводить имперскую политику в постимперскую эпоху. Вспомним Освальда Шпенглера, который сто лет назад задумался об исторических судьбах запада. Его „Закат Европы“ продолжает оставаться существенной, а может быть и большей частью, философии истории. Глобальная империя, будь то западная или коммунистическая, как раз бы и означала конец истории.

Логика подсказывает все-таки восстановление единства в европейской цивилизации. И Россия, и Соединенные Штаты произросли из европейской цивилизации, занимались в значительной степени ее распространением. По крайней мере, то что касается многовековой колонизации Сибири—я убежден, что это являлось распространением европейской цивилизации. Если вы сейчас поедете во Владивосток или в любой сибирский город, то при всех экономических разрывах между ними и Москвой вы все-таки увидите европейские города, европейское население. То же самое относится и к той ветви европейской цивилизации, которая привита на северо-американский континент и дала там обильные всходы и плоды. Поэтому я убежден, что фундаментальными характеристиками нового этапа мирового развития будет синтез различных моделей развития и сосуществования, в том числе сосуществования различных культур, религиозных традиций и, во многом, ценностей. Опираясь на обще-европейские ценности, мы не можем игнорировать ценности, которые в других цивилизациях сформировались. Их

баланс определит историю. На примере Евро-Атлантики мы видим, что история устраняет крайности. Сначала это был опыт Советского Союза, затем это был либеральный капитализм, причем капитализм, который на примере жесткой англо-саксонской модели нашел свое наиболее полное воплощение, конечно же, в Америке. Следуя Шпенглеровскому методу, трудно не обратить внимание на то, что оба эти явления, если применительно к США вести отсчет от нового курса Франклина Делано Рузвельта, просуществовали примерно по 75 лет. Синтезом их стало выработанная в период холодной войны социально-ориентированная модель экономического развития Западной Европы. Она формировалась в огромной степени под влиянием Соединенных Штатов и Советского Союза. Советского Союза в том смысле, что декларировавшиеся и во многом осуществлявшиеся социальные завоевания подталкивали Европу к тому, чтобы на социальную сторону развития экономики обращать все большее внимание. И сокращенный рабочий день, и гарантированный отпуск, и пенсии, бесплатная медицина, бесплатное образование и многое другое. Этот опыт Советского Союза конечно же влиял на выработку модели экономического развития в Европе. И то же самое делали США, еще начиная с плана Маршала, причем в гораздо большей степени социализируя европейскую экономику, нежели это происходило в самих Соединенных Штатах. Нынешний результат, социально-ориентированная модель развития, которая в Западной Европе утвердилась уже и укоренилась окончательно—это наше общее достояние. То, что Россия после распада Советского Союза уже при президенте Путине встала именно на этот путь, говорит о том, что это наша общая дорога.

Говоря о Соединенных Штатах, еще раз скажу, что это неотъемлемая часть европейской цивилизации и продукт ее исторического развития. Думаю, что и Соединенным Штатам не повредит—в том смысле, о котором мы сейчас говорим—вернуться в Европу и воспринять европейское мироощущение, которое сформировалась в период в том числе и после холодной войны, повторяю, не без самого активного участия Америки.

Наши отношения с Соединенными Штатами сегодня переживают не самый простой период. У нас есть принципиальные различия в подходах к целому ряду международных проблем, но в то же время у нас есть все возможности для выстраивания конструктивного и всестороннего взаимодействия на устойчивой и долгосрочной основе. История наших отношений с США знала немало острых ситуаций. Бывали времена и похуже, но в конечном счете здравый смысл, прагматизм и осознание особой ответственности за положение в мире всегда определяли выбор на уровне практической политики.

Мы открыты к полноформатному сотрудничеству с США, настроены вести дела в предсказуемом, взаимовыгодном ключе, на основе равноправия, учета интересов друг друга, в полном соответствии с очень важным недавним документом, который был Джорджем Бушем и Владимиром Путиным одобрен в Сочи - Сочинской декларации о стратегических рамках партнерства.

Как не раз заявляли и Медведев, и Путин, ничто нас не заставит втянуться в новую гонку вооружения и отказаться от комплексной модернизации страны. Да, нас нападение на Южную Осетию серьезно отвлекли от созидательных задач. Придется делать выводы и в плане своего военного строительства, ускорения модернизации нашей армии, но никакой милитаризации внешней политики, никакой новой гонки вооружений не будет.

Конечно, наши атомные подводные лодки со стратегическим оружием на борту, это не yellow submarines. Мы это понимаем. Но они выполняют свои задачи на основе принципа разумной достаточности. Суть этих задач могут разъяснить, я уверен, и наши американские партнеры, которые последние двадцать лет не прекращали модернизацию своих вооруженных сил, включая их стратегический компонент. Наши военные расходы по разным оценкам составляют где-то между 5 и 13 процентами от военных расходов Соединенных Штатов.

И это бремя для себя мы хотели бы сократить. Поэтому предлагаем сделать практические выводы из того очевидного факта, что в глобализирующемся мире нельзя регулировать международные отношения военной силой. Все-таки, может быть вернуться к тем ожиданиям в части мирного дивиденда, которые всех охватили и стали закономерным следствием окончания холодной войны. Не знаю, может быть это — идиллия.

Ну и, конечно, в наших общих интересах, я сейчас уже буду завершать, преодоление углубляющегося глобального финансового кризиса. Мы активно поддерживаем предложение о проведении серии саммитов, инициативу, опять-таки, Николя Саркози в качестве председателя Евросоюза, которая нашла живой отклик и за океаном, где назначена встреча лидеров двадцатки 15 ноября. Не исключаю, кстати, что можно было бы и подключить структуры Организации Объединенных Наций, например, экономический и социальный совет. Да, это организация, которая не имеет прямых рычагов регулирования в финансовой сфере, но это очень важная политическая оболочка, если хотите, в которой можно обкатывать и заручаться политической поддержкой тем идеям, которые вырабатываются в реальной экономике и в реальных мировых финансах. Я абсолютно согласен, что нужно преодолевать противоречия между односторонним методом функционирования обанкротившейся системы и коллективными интересами всего международного сообщества. Не зря такое прозорливое издание, как „Economist“ 11 октября написал, что на этот раз подход должен быть более системным и более глобальным. Чем скорее появятся первые проекты документов, которые планируются одобрить 15 ноября в Вашингтоне, включая последующие шаги — президент Буш сказал, что этот саммит не будет одноразовым событием, а даст толчок дальнейшей работе — чем скорее появятся проекты документов, тем лучше. Они должны быть действительно сущностными, субстантивными и не должны разочаровать всех тех, кто убежден — а таких большинство — в необходимости глубоких реформ.

Россия готова внести свой вклад. У нас несмотря на, конечно же, ощущаемые негативные воздействия финансового кризиса в мире, он нас затронул, все-таки по-прежнему золотовалютные резервы сопоставимы с резервами международного валютного фонда. Вообще в распоряжении правительств по всему миру находятся по оценке где-то три триллиона долларов. По большей части эти триллионы находятся в резервах государств, которые расположены к востоку от Суэца и к востоку от Урала. Неважно, как это будет называться — как предложил Саркози „перестройка капитализма“, или как-то еще, но важен результат.

Результат может быть эффективным, только если мы все признаем, что да, мы все в одной лодке. Финансовая взаимозависимость убедительно демонстрируется событиями последних лет. Китайцы обозначают слово „кризис“ двумя иероглифами: риск и возможность. За второй бы иероглиф нам

ухватиться и все-таки сменить тему разговора и сконцентрироваться на решении реальных, общих проблем, а не на одержимости продвижения неких виртуальных проектов. Убежден, что если мы вокруг этого финансового кризиса наладим тесное и равноправное взаимодействие, то это создаст условия и критическую массу доверия для решения и всех других проблем.

В заключение просто хочу сказать, что мы очень ценим такую „постоянную величину“ европейской политики, как отношения между Россией и ФРГ. Они развиваются в духе сочетания прагматизма и стремления формирования общего видения будущего евро-атлантического региона. В том же русле развиваются наши отношения с целым рядом других европейских столиц, прежде всего с Парижем, Римом, Мадридом. Мы это ценим.

Важно, что мы можем поддерживать продуктивный, взаимно уважительный диалог не только в спокойную геополитическую погоду, но и в периоды осложнений. Это подтвердилось недавно в ходе раунда межгосударственных консультации между Россией и Германией в Санкт-Петербурге.

Убежден, что только такой подход без попыток обижаться на что-то, а подход, основанный на стремлении понять друг друга и искать пути дальнейшего развития отношений с учетом этого понимания, с учетом интересов партнера — это единственный возможный способ вести дела в современном мире. Я говорил дольше, чем мы условились, но все равно буду готов ответить на Ваши вопросы.

Выходные данные

Координация	Д-р Клаус Вэмайер, д-р Томас Паульзен
Редакция	Бернхард Мюллер-Херлин
Контакт	www.bergedorf-round-table.org

Все права защищены.